

О.Н. Яницкий

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

За последнее десятилетие отечественная социология накопила значительный материал, касающийся взаимодействия человека и среды его обитания. В той или иной мере «экологизации» подверглись все социологические дисциплины. Каждая из них время от времени стала обращаться к экологическим сюжетам — будь то последствия аварий и катастроф или изменение сознания и поведения населения, отдельных его групп под воздействием трансформаций в среде обитания. Сформировалось несколько дисциплин, которые сделали это взаимодействие главным объектом своего анализа (социальная экология города, социология природных и техногенных катастроф, глобальная социоэкология и др.). Возникли также такие пограничные дисциплины, как, например, геополитические исследования, где социологический анализ подчинен целям внутренней и внешней политики.

Однако накопление материала о взаимодействии общества и природы, общества и рукотворной среды обитания не вызвало в нашей социологии потребности в рефлексии по поводу методологии изучения названного взаимодействия. Происходило лишь расширение исследовательского поля, теоретико-методологический аппарат оставался в основном прежним. Даже чернобыльская катастрофа, оказавшая прямое, непосредственное воздействие на жизнь десятков миллионов людей и имевшая огромный ценностный резонанс во всем мире, в отечественной социологии отозвалась лишь серией эмпирических исследований социальных «последствий» этой технической аварии. Подобно тому, как двадцать лет назад социологи были увлечены изучением социальных последствий научно-технической революции, сегодня они подсчитывают человеческие и материальные потери вследствие изменения среды обитания.

Между тем «экологический вызов» (как одна из ключевых проблем процесса современной модернизации) это также и вызов социологии как науке, методологические основы которой закладывались исходя из реалий более чем столетней давности. Российские социологи сегодня справедливо обеспокоены падением престижа своей науки, ее коммерциализацией, все большим подчинением сиюминутным интересам конкурирующих общественных групп. Однако мало кто из наших теоретиков задумывался над тем, что превращение России в часть мировой экосистемы (экономической, политической, природной) требует пересмотра привычных исследовательских схем и взаимоотношений с другими общественными и естественнонаучными дисциплинами.

Да, мы — «переходное общество». Но не только в привычном смысле перехода от нашего социализма к нашему капитализму, а прежде всего в смысле совершенно иной, не существовавшей ранее детерминации любых перемен закономерностями функционирования (и ограничениями) глобальной экосистемы — социобиотехносферы. В этой новой ситуации прошлое, как ни мило оно нам, теряет свою детерминирующую силу. Будущее, напротив, ее приобретает. И речь идет не просто о «новых» факторах развития. Век постепенности развития подходит к концу.

Следовательно, нужны новые подходы, углубленная рефлексия по поводу происходящего. Альтернативная социология — не отказ от достигнутого и не призыв к социальному конструированию. Говоря об альтернативной социологии, я имею в виду необходимость смены господствующей парадигмы и пересмотра исследовательских приоритетов в отечественной социологии.

Общество риска

Сегодня индустриально развитые страны, а за ними и человечество в целом, переходят в качественно новое состояние, которое немецкий социолог Ульрих Бек назвал «обществом риска». В развитой им концепции риск в социологическом смысле есть систематическое взаимодействие общества «с угрозами и опасностями, инициируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. В отличие от опасностей прошлых эпох риски суть последствия, связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемыми ею глобальной нестабильностью и неопределенностью... В обществе риска неизведанные и неожиданные последствия приобретают характер господствующей силы» [1, с.21-22].

Принципиально важно, что это — социологический подход, потому что до сих пор социология, анализируя опасности для человека и природы, порождаемые процессами модернизации, говорила на чужом языке. Сентенции социологов по поводу загрязнения среды, опасностей техногенных аварий и катастроф были, по сути, технократическими и натуралистическими. В социологии сформировался ряд направлений, которые стали изучать эти «побочные» эффекты развития урбанистической цивилизации. Методологически это означало, что социология продолжает разделять и противопоставлять человека и природу, общество и среду его обитания. «Загрязнение» и подобные понятия, заимствованные социологией из естественных и технических наук, имплицитно предполагают, что: 1) общество имеет дело с социально и пространственно локализуемыми процессами, 2) с обратимыми процессами («загрязнили — ликвидировали опасность»), 3) источник проблемы и ее решения лежат в сфере не-социальных наук и технологий. Между тем производство рисков — социальный процесс. «В развитом обществе, — говорит Бек, — социальное производство богатства систематически сопровождается социальным производством риска. Соответственно проблемы и конфликты, связанные с распределением дефицита в обществе, соседствуют с проблемами и конфликтами, которые возникают вследствие производства, необходимостью определения и распределения рисков, порождаемых научно-техническими системами» [1, с. 19]. И далее Бек выделяет ключевые характеристики общества риска.

Прежде всего риск «демократичен» в том смысле, что он всеобщ и неустраним. Рано или поздно он поражает тех, кто его производит или наживается на нем. Бек называет это эффектом бумеранга современной цивилизации. В конечном счете разрастание общества риска есть нарастание процессов «экологического обесценивания и экспроприации». Иными словами, модернизация входит в противоречие с интересами частной собственности и производства прибыли.

Новые противоречия и конфликты, порождаемые расширением сферы риска (сначала между развивающимися и индустриально развитыми странами, а затем и между последними), накладываются на «старые», принадлежащие индустриальной эпохе. Сегодня возможна такая ситуация, когда одни страны или группы будут накапливать богатство и; пользоваться всеми благами цивилизации, а другие — только подвержены риску. Но это — ситуация переходного периода. Постепенно негативная логика распространения риска «демократизирует» ситуацию; в глобальном масштабе.

Далее, современные опасности не только всеобщ и всепроникающи, но и не воспринимаются человеческими органами чувств. Это еще один вызов социологии и другим наукам о человеке, все теоретические конструкции которых построены на восприятии человеком окружающего мира своими органами чувств. Риски «объективно» существуют лишь в форме знаний о них. Поэтому наука становится мощной политической силой. «Политический потенциал общества риска должен быть осмыслен социологической теорией в терминах производства и распространения знаний о рисках» [1, с.24].

Вместе с тем монополия естественных наук на определение риска разрушается. Другие социальные субъекты и институты, например, средства массовой информации и общественные движения, поскольку они формируют общественное мнение и тем самым определяют степень социальной приемлемости риска, также приобретают ключевые социальные и политические позиции. Это означает, что высшего арбитра по вопросу о социальной приемлемости того или иного риска попросту не может существовать.

Итак, если индустриальное общество отмечено позитивной логикой распространения богатства, то общество риска — негативной логикой распространения опасностей. В целом, заключает Бек, это — катастрофическое общество. Когда «исключительные условия» превращаются в норму повседневного бытия, риск всеобщ и выхода нет, люди перестают думать об опасностях. Этот «экологический фатализм позволяет маятнику индивидуальных и общественных настроений качаться в *любом* направлении. Общество риска переходит из состояния истерии к отрешенности, и — наоборот» [1, с.36-37].

Концепция общества риска обладает высокой степенью генерализации. Однако попробуем продвинуться еще на несколько шагов вперед. Да, риски воздействуют на человека непосредственно. Но одновременно вся измененная человеком среда, опасная и «безопасная», представляет собой новый, ранее не существовавший вид производственной системы. «Окружающая среда» — теоретически ложный термин. Она не может более рассматриваться как некое «пустое пространство», источник ресурсов и вместилище отходов общественного производства. «Окружающая среда» есть глобальная производственная машина, в которую встроены частичные машины общественного производства — государства, отрасли, корпорации и др. Законы функционирования этой машины доступны лишь комплексу наук. Но если есть геополитика и глобальная экология, то должна быть и глобальная социология — наука, изучающая структуру и динамику социальных институтов этой глобальной машины.

Вторая проблема не менее существенна. Концепция общества риска интерпретирует ситуацию, складывающуюся в ходе новейшей фазы модернизации западного мира. Истоки этой ситуации усматриваются в прогрессе науки и технологий. Однако правомерно задать вопрос: в какой мере общество риска производится, создается идеологией и политическим режимом? Да, страны, находящиеся на начальном этапе индустриализации, подвергаются рискам, которые экспортируются развитыми странами. Но разве диктаторские и авторитарные режимы в целом ряде стран Третьего мира не являются производителями и экспортерами риска? Разве этот, идеологически и политически порожденный риск не угрожает как их собственному населению, так и миру в целом?

С моей точки зрения, общество риска в равной мере может быть создано наукой и идеологией, неконтролируемой динамикой технико-технологических систем и тоталитарными и авторитарными режимами. В советской России факторами риска были и гражданская война и насильственная коллективизация, идея мировой революции и форсирования индустриализации, концепции «осажденной крепости» и «коллективной ответственности», милитаризация экономики и всеобщая секретность, программа построения коммунизма к концу 1980-х годов и политика всеобщей химизации сельского хозяйства, гонки космических вооружений. Этот список можно продолжать бесконечно. Но, прежде всего, риск модернизации России был порожден идеологическими факторами. Идеология «сконструировала» политический режим, а он уже сформировал тот процесс модернизации, разрушительные плоды которого мы пожинаем сегодня. Модернизация страны была в целом директивной, форсированной и уж никоим образом не рефлексивной. Это модернизация без обратной связи со сложившимися природными и социальными экосистемами. Логика накопления общественного богатства, лежащая в основе «нормальной» модернизации, была заменена логикой его расходования, проедания, омертвления во имя строительства и укрепления идеологически сконструированной социально-политической Системы. Очевидно, что в основе модернизации по-советски лежал комплекс принципов, который в совокупности я бы назвал парадигмой «Системной исключительности». Права этой Системы были абсолютны, права «среды» не существовали вовсе.

Мировоззренческие и дисциплинарные основания социологии

Считается, что российская социология получила свой обертон «исторического оптимизма» от социальной философии К. Маркса. В действительности вся западная социология с момента своего зарождения находится под глубоким влиянием мировоззренческих установок западной культуры. Ее доминантами являются антропоцентризм, рассматривающий

человечество как нечто, находящееся вне и над природой, а также упомянутый «исторический оптимизм», порожденный все возрастающими возможностями технического прогресса и неисчерпаемыми, как представлялось западным мыслителям и политикам почти четырех веков, энергетическими и иными природными ресурсами.

В сущности, в названный исторический период геополитическая доктрина у России и стран Западной Европы, а позже и США была одна: колонизация, экономическая, политическая и территориальная экспансия. Европейцы колонизовали Новый Свет, поселенцы Америки двигались на Запад, а Россия дошла до Аляски. После второй мировой войны СССР и США, эти две сверхдержавы, в течение многих десятилетий вели борьбу за новый передел мира. «Исторический оптимизм»; и пренебрежение к природе подпитывались теперь ядерной мощью и мессианскими доктринами борьбы с «мировым злом». Идеи глобального доминирования и растущая техническая мощь вытесняли из социологии! вопрос о цене такого противостояния, об источниках ресурсов, потребных для поддержания этих гигантских социотехнических систем.

Анализ обширной литературы, проведенный американскими социологами У. Каттоном и Р. Данлэпом, показал, что при всех различиях у большинства западных социологических школ и направлений есть общее мировоззренческое «ядро», которое было названо «Доминирующим Западным Взглядом на Мир». Его основные постулаты формулируются следующим образом:

— люди качественно отличны от всех других живых существ, населяющих Землю, над которыми они господствуют;

— люди - хозяева своей судьбы; они могут ставить свои цели и выбирать необходимые средства для их достижения;

— мир обширен и потому предоставляет неограниченные возможности для людей;

— история человечества есть прогресс; для каждой проблемы существует решение, и посему этот прогресс бесконечен [2, с.34].

Нетрудно видеть, что каждое из этих положений соответствует букве и духу социальной философии марксизма. Несколько мыслей Ф. Энгельса, скажем, о культуре, которая может оставлять за собой пустыню, коими мы пытались придать «советскому марксизму» экологическую окраску, ничего не меняют. Эта философия глубоко антропоцентрична и пророчит светлое будущее всему человечеству, если оно будет способно развивать человеческие потенции безо всяких ограничений.

И западная, и наша социология методологически зиждется на принципе «человеческой исключительности». С. Клауснер, который ввел; данное понятие в научный оборот, называл это «верой в прерывность эволюции между человеком и другими биологическими существами» [3]. Само становление социологии как самостоятельной научной дисциплины было возможно лишь при опоре на подобный принцип. В самом деле, чтобы утвердить себя в таком независимом качестве, основателям социологии необходимо было четко очертить свой предмет⁴, круг изучаемых явлений. И такой «разделительный» принцип был найден. Согласно Э. Дюркгейму, это — «объективная реальность социальных фактов» (групп, институтов, форм их взаимодействия и норм, их регулирующих), не сводимая к психологическим свойствам индивидов [4].

Отсюда, в свою очередь, вытекал ряд методологических следствий, характерных для всей социологии — западной, советской и постсоветской:

- Табу редукционизма, то есть требование исключения биологических и физических факторов из числа переменных, используемых для объяснения социальных явлений и построения социологических концепций. «Географический детерминизм» как разновидность этой редукции объявлялся тяжким грехом для социолога.

- Наследственность есть чисто биологическое свойство. У общества есть другой, специфически социальный механизм передачи «социальной памяти» — культура. Воздействие на человека биологической и физической сред не наследуется, то есть не включается в эту социальную память.

- Чем более социология стремилась очертить свои дисциплинарные границы, тем более она стремилась к разграничению социальной и культурной сред — с одной стороны, и биологической и физической — с другой. Вместе с тем для интерпретации новых социальных фактов социология каждый раз стремилась «вверх», то есть к объяснению их при

помощи все более фундаментальных социокультурных законов. Соответственно биофизическая среда становилась все менее существенной для объяснения этих новых социальных фактов.

- Еще один ключевой методологический принцип классической социологии: поведение индивидов и групп зависит главным образом от того, как эти социальные акторы «определяют» ситуацию, в которой они находятся. Поскольку «ситуация» — это другие социальные акторы, с которыми интересующий исследователя субъект находится во взаимодействии, опять же выходит, что биофизическая среда «социальна» лишь в той степени, в какой она воспринимается как таковая этими акторами.

- В результате в социологии, как в бюрократической организации, сформировались свои «силовые» и «слабые», второстепенные сообщества. «Силовыми» были те дисциплинарные организации, которые изучали структуру и динамику «социального прогресса», механизмы саморазвития существующих социальных систем. Цена этого развития (ресурсы), его зависимость от состояния биофизической среды (обратная связь) во внимание не принимались.

Как справедливо заметили У. Каттон и Р. Данлэп более десяти лет назад, возник серьезный разрыв в интерпретации среды обитания обыденным и социологическим знанием. Если первое понимало под ней природу, участок городской или сельской территории, то второе — только те социальные и культурные «факты», с которыми был связан изучаемый социальный актор [2, с.22].

Результат: «Парадигма человеческой исключительности»

«Доминирующий Западный Взгляд на Мир» вкупе с изложенными выше дисциплинарными установками и традициями классической социологии сформировали у большинства наших и зарубежных социологов глубоко антропоцентрический, «оптимистический» и антиэкологический подход к изучению общественных явлений. Такой подход никогда не был сформулирован в явном виде, но он легко «вычитывается» из работ самых различных социологических школ. Назвав этот подход «Парадигмой человеческой исключительности», Каттон и Данлэп подчеркивали, что они менее всего хотели бы подвергнуть сомнению качественное отличие рода Хомо сапиенс. Что мы действительно отрицаем, писали они, так это убеждение, будто социологи все еще имеют право считать, что уникальные характеристики нас как живых существ исключают нас из системы экологических закономерностей и средовых воздействий и ограничений. То есть речь идет о том, что независимо от теоретических предпочтений конкретных исследователей, все они трактуют человеческие общества таким образом, будто те не подвержены экологическим ограничениям и зависимостям. Изложим базовые постулаты данной парадигмы так, как они были представлены названными авторами:

- люди помимо их способности к генетическому наследованию обладают и свойством культурного наследования; поэтому они качественно отличны от всех других живых существ;

- социальные и культурные факторы, включая технологию, суть главные детерминанты человеческой деятельности;

- социальная и культурная среды суть определяющий контекст этих дел, в то время как биофизической средой можно пренебречь;

- культура кумулятивна; поэтому технологический и социальный прогресс могут продолжаться бесконечно, делая все социальные проблемы в конечном счете решаемыми [2, с.25].

Альтернатива: «Новая экологическая парадигма»

Эта парадигма — ключевое звено альтернативной социологии. Переходя к ее рассмотрению, сразу замечу, что она — не результат умозрительных спекуляций группы социологов, озабоченных состоянием окружающей среды. «Новая экологическая парадигма» формировалась прежде всего в западной, а затем и в советской социологии постепенно. Здесь сыграли роль и явная деградация среды обитания, и целый ряд [аналитических работ глобального масштаба (типа докладов Римскому клубу), и растущая озабоченность населения состоянием среды своего непосредственного обитания, и непрекращающиеся экологические аварии и катастрофы, возникновение социальных конфликтов на экологической почве и многое другое. Но главное — возник и стал набирать силу слой

людей — носителей альтернативных, т. е. экологических, ценностей. В течение 1960-1980-х гг. по всему миру возникли экологические движения и партии, которые трансформировали экологические ориентации и ценности в политические требования. Однако излагаемая ниже версия этой парадигмы является результатом эмпирического исследования, проведенного Р. Данлэпом и К. ван Лье в 1976 г. в штате Вашингтон, США [5].

«Новая экологическая парадигма»

- Хотя люди обладают исключительными характеристиками (культура, технологии и др.), они все же остаются лишь одними из многих живых существ, которые взаимозависимы и включены в глобальную экосистему.

- Человеческие дела находятся под воздействием не только социальных и культурных факторов, но и включены в сложную систему причинно-следственных связей (включая и обратные связи) природной ткани.

- Люди живут в конечной биофизической среде и зависимы от нее; эта среда налагает серьезные биологические и физические ограничения на человеческую деятельность.

- Хотя изобретательность людей и обретаемая вследствие этого сила, кажется, могут на какое-то время расширять границы несущей способности экосистем, экологические законы, тем не менее, не могут быть отменены [2, с.34].

После того как эта парадигма была введена в научный оборот, последовала продолжительная дискуссия, в том числе и в советской социологии.

Появление «Новой экологической парадигмы» стимулировало вопрос: а какова же «старая», то есть доминирующая сегодня социальная парадигма? Снова подчеркну, хотя литературы на эту тему в западной

социологии было достаточно, конструирование новой парадигмы не было плодом теоретических спекуляций. В 1980-82 гг. международная исследовательская группа под руководством Л. Милбреса (США) провела сравнительное исследование инвайронментальных верований и ценностей в США, Великобритании и Западной Германии. Всего было опрошено 5589 человек, включая обывателей, а также профсоюзных лидеров, бизнесменов, лидеров общественного мнения, представителей распорядительной и исполнительной власти и собственно инвайронменталистов, т. е. потенциальных носителей «Новой экологической парадигмы» [6]. В результате стало возможным систематическое сопоставление позиций приверженцев доминирующей и новой парадигм (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнение конкурирующих парадигм

Доминирующая социальная парадигма	Новая инвайронментальная парадигма
<p>I. Низкая ценность природы</p> <ul style="list-style-type: none"> - природа существует для производства благ - господство человека над природой - предпочтение экономическому росту, а не защите среды 	<p>I. Высокая ценность природы</p> <ul style="list-style-type: none"> - природа ценна сама по себе - гармония человека и природы - предпочтение защите среды, а не экономическому росту
<p>II. Сострадание только к тем, кто рядом и дорог</p> <ul style="list-style-type: none"> - эксплуатация человеком других существ для удовлетворения своих нужд - безразличие по отношению к заботам других людей - интерес к проблемам только своего поколения 	<p>II. Сострадание как жизненный принцип, по отношению к:</p> <ul style="list-style-type: none"> - другим живым существам - другим людям - другим поколениям

<p>III. Согласие на риск с целью максимизации богатства</p> <ul style="list-style-type: none"> - наука и технология суть огромное благо для людей - быстрое развитие атомной энергетики - приоритет твердым технологиям - уменьшение значения регулирования, использование рыночных механизмов, индивидуальная ответственность за риск 	<p>III. Продуманное планирование и действия с целью избежания риска</p> <ul style="list-style-type: none"> - наука и технологии не всегда благо - «нет» дальнейшему развитию атомной энергетики - приоритет мягким технологиям - государственное регулирование с целью защиты природы и человека, их взаимная ответственность
<p>IV. Рост без ограничений</p> <ul style="list-style-type: none"> - в ресурсах нет недостатка - проблемы перенаселения не существует - приоритет производству и потреблению 	<p>IV. Ограниченный рост</p> <ul style="list-style-type: none"> - ресурсы ограничены - нужно ограничить популяционный взрыв» - приоритет сохранению
<p>V. Существующее общество о'кей (сохранение доминирующей парадигмы)</p> <ul style="list-style-type: none"> - люди не слишком разрушают природу - иерархия и эффективность - предпочтение рынку - соревнование - материализм - сложные и быстро изменяющиеся стили жизни - работа с целью удовлетворения экономических потребностей 	<p>V. Нужно совершенно новое общество (т. е. новая парадигма)</p> <ul style="list-style-type: none"> - люди серьезно разрушают природу и самих себя - открытость и (со)участие - предпочтение общественным благам - кооперирование - постматериализм - простые стили жизни - в работе главное - удовлетворение от нее
<p>VI. Старая политика</p> <ul style="list-style-type: none"> - эксперты - ключевые фигуры - предпочтение механизмам рыночного контроля - отказ от прямых действий, использование существующих институциональных структур - сохранение старой, «право-левой» партийной структуры 	<p>VI. Новая политика</p> <ul style="list-style-type: none"> - консультации и соучастие - предпочтение предвидению и планированию - готовность к прямым действиям - новая партийная структура, ориентированная на новые проблемы

Итак, очевидно, что старая и новая парадигмы не ограничены проблематикой взаимоотношений общества и природы. Это не парадигмы инвайронментальной социологии или социологии экологических проблем, как бы широко они ни трактовали свой предмет. Лишь сам импульс к пересмотру доминирующей парадигмы «пришел» из названных дисциплин. Если человечество осознало необходимость пересмотра принципов своих взаимоотношений с биосферой, с рукотворной средой, это значит, что настал час ревизии фундаментальных основ социологии как науки в целом.

Социальная интерпретация естественнонаучного знания

Сегодня социологии придется сделать то, чего она стремилась избежать всю свою историю: вступить в партнерские взаимоотношения с естественными науками. В каких бы формах ни осуществлялось такое взаимодействие, несомненно, оно означает потерю социологией статуса независимой дисциплины. Однако действительно ли это потеря или, напротив, приобретение, позволяющее существенно углубить предмет изучения и ответить на вызов новых реальностей?

Уже более десяти лет назад мною был поставлен вопрос о необходимости социальной интерпретации экологических знаний, общий смысл которой должен заключаться в выявлении и оценке социально

значимых изменений в природной и антропогенной среде и в определении на этой основе путей совершенствования теории и практики взаимодействия общества и природы [7].

Уже тогда, участвуя в международных исследовательских проектах, касающихся конкретных форм взаимодействия человеческих общностей и природных экосистем, я постоянно ощущал «герметизм» социологического знания, невозможность интерпретации наблюдаемых фактов, при опоре на дисциплинарные традиции и запреты, о которых говорилось выше. Потребность в такой интерпретации возникала прежде всего в самой социологии, поскольку такая интерпретация была бы реальным инструментом освоения новых экологических реалий и, следовательно, — создания более адекватных социологических концепций. Другая цель разработки методов социальной интерпретации экологических знаний, как тогда казалось (и сегодня, по прошествии десятилетия, я твердо в том убежден) — это экологическая политика. Речь идет не только о собственно природоохранной деятельности общества, которое сегодня остро нуждается в развитии соответствующих институциональных форм, но и об «экологизации» профессионального мышления в самых различных сферах социальной практики человека. Необходима разработка таких «переходных», опосредующих понятий, которые, максимально удерживая новое экологическое знание, были бы в то же время доступны и необходимы широкой массе населения. Предотвращение экологической катастрофы, действенность борьбы с экологическими опасностями зависят от того, насколько население осознает их связь с собственными насущными интересами и потребностями.

Вообще говоря, социальная интерпретация явлений природы существовала задолго до появления науки, и тем более социологии. История человеческой культуры полна подобных интерпретаций, поскольку самые различные стороны человеческой деятельности прямо зависели от состояния и сил природы. Потребность в социальной интерпретации экологических знаний как системе особых процедур возникает на определенном этапе развития общества. Чем менее последствия его совокупного воздействия улавливаются каждым отдельным человеком, чем менее в своих оценках он может опереться на свой индивидуальный или групповой опыт и, напротив, чем более человеческое вмешательство в биосферу носит опосредованный и долговременный характер — тем выше потребность в социальной интерпретации этих последствий как системе особых научных процедур.

Однако тогда, на рубеже 70-80-х годов, такая перспектива тесного взаимодействия социальных и естественных наук вызвала реакцию отторжения с обеих сторон. Первые сочли ее несущественной и излишней, полагая, как и прежде, что справятся сами. Вторые увидели в предлагаемом методе опасность использования экологического знания в целях политической спекуляции и манипуляции общественным мнением, симптом моды на «информированное» принятие политических решений. Так или иначе, призыв к «интеграции наук» прожил очень недолго. С обеих сторон последовали весьма осторожные заявления о желательности поиска возможных путей кооперации наук.

Такой оборот событий не был неожиданным. Работая в те годы по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», находясь в постоянном взаимодействии с различными сообществами биологов и экологов, я постоянно ощущал эпистемологические, дисциплинарные и иные барьеры, которые препятствовали налаживанию процесса социальной интерпретации. В общем, тогда казалось, что оправдывается мертоновская модель социологии науки, согласно которой знание в каждой из наук является самоценным, а сама наука представляется уникальной социальной сферой, отделенной от всех других отношений и практик, именуемых «ненаукой» [8]. Поэтому мною была предложена трехстадийная схема развития междисциплинарного взаимодействия.

Первый этап был условно обозначен как «воздействие» экологического знания. В социологии он означал появление новой области исследований — взаимодействие общества и природы, усиление общенаучных тенденций, растущий интерес социологов к методам смежных наук (демографии, социальной гигиены), расширение и обогащение уже сложившихся понятий. Постепенно росло понимание, что социальные явления носят сложный, многоуровневый характер. В общекультурном плане это был этап объективации экологических фактов (они

воспринимаются индивидами и обществом как стоящие «перед» ними), в политическом — этап осмысления и освоения «экологических императивов», лучше всего сформулированных Б. Коммонером [9]. Строго говоря, на этом этапе еще нет социальной интерпретации. Императивы потому и императивны, что «налагаются» на социальные процессы извне, минуя ступень их научного и культурного осмысления. Второй этап представлялся уже как взаимодействие. Появляется инвайронментальная социология как самостоятельная социологическая дисциплина. Постепенно осознается экологическая (средовая) детерминация все расширяющегося круга социальных процессов и структур, изучаются про- и контрэкологические установки самых различных социальных факторов — в общем наступает этап формирования «социологии экологических проблем». Поскольку в нашей стране идеологические и дисциплинарные ограничения были наиболее жестки, эта новая отрасль социологического знания стала формироваться на периферии официозных отраслей обществоведения или, что не менее показательно, «внутри» естественнонаучных и даже технических дисциплин (географии, урбанистики) [10].

В социокультурном плане — это уже этап освоения экологической проблемы как собственно социальной: экологическое знание начинает выступать в роли социальной ценности, а экологически совместимый образ жизни — в роли ценностного ориентира. В политической сфере междисциплинарная коммуникация тоже незаметно подходит к важному рубежу. Начинаясь как поиск решений, соответствующих требованиям экологической науки, политический процесс проявляет свое встречное движение — как поиск возможных (альтернативных) экологических решений, отвечающих назревшим потребностям общества.

Третий, наиболее высокий этап развития рассматриваемого взаимодействия был назван синтезирующим. Так или иначе, но социологический анализ движется от анализа последствий воздействия общества на природу к идее целостной системы (социобиотехносферы). Логика развития объекта определяет, как представляется, и общее направление эволюции способов социальной интерпретации экологического знания: от негативно-запретительных к позитивно-воспроизводственным. В культурном плане мною было высказано предположение, что «высшим, вероятно, можно считать тот уровень, когда эти воспроизводственные принципы и критерии трансформируются в культурные нормы, в которых "как делать" и "почему так надо делать" слиты воедино. Решение экологической проблемы состоит в превращении особой — природоохранной, природовоспроизводственной — деятельности в интегральный принцип всякой человеческой деятельности, в превращении особых — "экологических" — целей во всеобщие» [7, С.99].

В целом эта, предложенная 12 лет назад, схема оказалась работающей и во многом себя оправдала. Однако в ней был коренной недостаток, обусловленный социально-политической ситуацией того времени: человек, группа, другие социальные общности рассматривались как объекты, ради блага которых должны совершиться все названные трансформации. Однако на социальной арене появились новые действующие лица, которые существенно ускорили и в то же время модифицировали рассматриваемые процессы.

Прежде всего возникли массовые экологические движения, одним из стимулов которых стало экологическое знание. Первоначально эти движения были чисто природоохранными и ограничивали свои связи только с теми биологическими науками, которые занимались организацией охраняемых территорий. Однако чем более широкий круг экологических проблем поднимали ученые, тем более движения нуждались в адекватной социальной и политической интерпретации полученных знаний. Поначалу их лидерами были квази-ученые, однако со временем эти гражданские инициативы стали вовлекать в свою орбиту экологов-профессионалов. Таким образом у социологии появился новый объект изучения — экологические движения, являющиеся носителем и одновременно интерпретатором экологического знания [11].

С развитием событий, со вступлением движений на общественную арену экологическое знание из инструмента социального действия постепенно превращается в самостоятельную социальную ценность. В этой трансформации ведущую роль сыграли обладающие большим моральным

авторитетом в российском обществе писатели и публицисты. Пропустив «неживое» экологическое знание через свой моральный опыт, они очеловечили его. Это знание потеряло свою рациональность, нейтральность, но отнюдь не универсальность — оно стало универсальной культурной нормой.

Начался и интенсивный встречный процесс. Социологи-инвайронменталисты стали остро нуждаться в рассматриваемой интерпретации. Частично они производили ее сами, но обычно исходным материалом для них служили материалы или публицистика видных популяризаторов от науки. Последние одновременно обладали высоким научным авторитетом и умением разговаривать на обыденном языке, демонстрируя обществу всю цепочку событий — от принятия экологически ошибочных решений до его отдаленных последствий для природы и человека.

Дальше — больше. С началом реформ появились видные ученые-экологи, которые отказываются вообще от своей научной карьеры и превращаются в экополитиков или лидеров общественных движений. Формируются таким образом не только движенчески ориентированные ученые-экологи и научно ориентированные эко-активисты, но и две взаимосвязанные сферы деятельности: движенчески-ориентированный сектор естественных наук и научно-ориентированный сектор экологических движений. Каков механизм взаимной интерпретации собираемой ими информации — тема отдельного разговора. Но то, что процесс идет беспрерывно — в том нет сомнения.

Таким образом, случилось то, что должно было случиться. Процесс социальной интерпретации экологического знания реально начался тогда, когда на общественной арене возник социальный актор, в ней нуждающийся. Многочисленные дебаты об опасности интеграции наук прекратились. Напротив, сегодня ощущается гигантская неудовлетворенная потребность в социальной (экономической, правовой, социальной, культурной) интерпретации огромного объема знаний о глобальных изменениях в биосфере, подобных глобальному потеплению климата или сокращению озонового слоя.

Заключение: принципы и приоритеты

Попытаемся, хотя бы вчерне, наметить круг базовых принципов исследовательских приоритетов альтернативной социологии.

- Человеческое общество — лишь одна из систем, составляющих в совокупности социобиотехносферу — суперсистему, стабильность которой детерминирована эволюционно заданным пределом несущей способности ее базового субстрата — биосферы.

- Биофизическая среда может воздействовать на человека и его сообщества непосредственно, минуя их органы восприятия. Следовательно, социология должна иметь методологию и инструментарий для изучения таких прямых воздействий.

- Основными агентами воздействия на упомянутую суперсистему являются население, его организации, производственные и природные системы. Чтобы адаптироваться к изменениям этой суперсистемы, человечество создает новые или трансформирует существующие социальные институты. Последние, возникнув, начинают оказывать обратное воздействие на суперсистему. Иными словами, все ее подсистемы взаимозависимы, а их взаимодействия — двусторонни, биполярны.

- Жизнедеятельность любых социальных систем, сопровождаемая потреблением природных ресурсов и производством отходов, постепенно изменяет условия человеческого существования. Общество производит не только блага, но и риск. В современных условиях риск производится не только наукой и созданными ею новейшими технологиями, но и идеологиями и порождаемыми ими политическими режимами. Социальное производство риска имеет «негативную» логику — постепенно оно подрывает сами основы процесса модернизации и угрожает физическому существованию человека. Производство риска меняет многие устоявшиеся представления социологической науки и порождает новые социальные конфликты и проблемы.

- Поскольку объектом изучения социологии становятся социобиотехнические системы, ей придется преодолеть табу редукционизма и географического (геополитического) детерминизма. Физическое пространство и астрономическое время должны

интерпретироваться как независимые социальные переменные.

- Вследствие изменения (расширения) объекта исследования возникает задача реинтерпретации основных понятий социологии, прежде всего таких, как социальная система, социальный порядок, социальный конфликт, адаптация, развитие и многих других.

- Названные выше характеристики нового объекта социологического анализа означают его принципиальную «открытость». Глобальный подход становится одним из центральных методологических принципов. Существующее сегодня разделение социологических теорий на генерализующие, «среднего уровня» и эмпирические теряет свой методологический смысл. «Глобальное измерение» как метатеоретический принцип должно присутствовать на любом уровне социологического анализа. Принцип мирового «зеленого» движения — «мыслить глобально — действовать локально» — вполне справедлив в отношении процессов социологического познания.

- Выбор конкретного объекта исследования должен соответствовать названным принципам. В частности, любые социальные процессы и структуры следует анализировать в «двухмерном пространстве» — систем более и менее высокого уровня организации и пространственного масштаба. Особого внимания заслуживают транснациональные и глобальные институты и организации, а также сети их связей.

- Среда (контекст) социального действия как независимая переменная. Обычно процедуры социологического исследования строятся исходя из принципа фиксированности условий изучаемого социального объекта (так называемые внешние условия). Однако «среда», как уже отмечалось, не статичное и тем более не статистическое образование. «Среда» — это тоже экосистема, то есть не зависящая от определения ситуации, даваемого социальными акторами, переменная. Аналитически целесообразно различение социоисторического (цивилизационного), макро-социального и ситуационного контекста.

- Необходимость реинтерпретации существующих и формирования новых понятий. Социальный порядок, изменение, адаптация, конфликт и другие основополагающие понятия должны некоторым образом освоить экологические императивы. Поскольку подавляющее большинство независимых социальных переменных в конечном счете оказываются экологически зависимыми, возникает нетривиальная задача охвата базовыми понятиями классической социологии новой, расширенной области своих интересов. Другая актуальная задача — разработка новых понятий, вытекающих из принципов «Новой экологической парадигмы», — таких, как, например, несущая способность экосистемы.

- Социальная интерпретация экологических и технических знаний является одновременно методологическим принципом и приоритетным направлением исследований в альтернативной социологии. Коль скоро знание о биологических и технических системах добывается несоциальными науками, возникает задача разработки процедур социальной интерпретации этих знаний, чтобы выявлять и предвидеть изменения в существующих социальных системах. Социологам предстоит серьезный пересмотр «социальных структур» производства знаний и в этой связи — переосмысление мертоновской и противоположной ей концепции социологии науки. Социологизация и политизация мышления ученых-естественников и сайентификация социальных акторов (экологических групп и движений) — процессы, требующие осмысления в рамках общей теории социальных изменений.

- Другим приоритетом является политизация социологии. Собственно говоря, этот процесс нарастает уже не первое десятилетие, что подтверждается появлением целого ряда пограничных дисциплин (политической социологии, социальной географии), а также соответствующих исследовательских центров. Однако мы ведем речь о приоритете фундаментального свойства. Он следует из необходимости саморегуляции социальных систем и человеческого сообщества в целом, вытекающей из вхождения страны и мира в целом в фазу глобального риска и необходимости в связи с этим социальной рефлексии по поводу политической организации общества.

- О детерминации будущим. В обществе риска, отягощенном «производством» будущих экологических аварий и катастроф, прошлое уже не может быть главной детерминантой его эволюции. Век «постепенности» действительно приходит к концу. Построение сценариев

эволюции общества становится бессмысленным, если они выводят нас за пределы устойчивости биотехносферы.

Мировое сообщество уже назвало устойчивое развитие в качестве своей стратегической задачи. Ее решение невозможно без «обратного счета», то есть определения комплекса регулятивных воздействий на государства, транснациональные корпорации и другие ключевые агенты социальной эволюции, исходя из социально определенного уровня «допустимого» (приемлемого) риска.

Литература

1. *Beck U.* Risk society: towards a new modernity. London: Sage Publications, 1992.
2. *Catton W., Dunlap R.* A new ecological paradigm for post-exuberant society // American Behavioral Scientist. 1980. Vol. 24. N. 1.
3. *Klausner S.* On man and his environment. San Francisco: Jossey-Bass, 1971. P. 11.
4. *Durkheim E.* The rules of the sociological method. New York: Free Press, 1950.
5. *Dunlap R., Van Liere K.* New environmental paradigm: a proposed measuring instrument and preliminary results // Journal of Environmental Education. 1978. Vol. 9. P. 10-19.
6. *Milbrath L.* Environmentalists: a vanguard for a new society. Albany: State University of New York Press, 1984. P. 24.
7. *Яницкий О. Н.* Методологические вопросы исследования социально-экономических проблем // Вопросы философии. 1982. N3.
8. *Merton R.* The sociology of science. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
9. *Commoner B.* The closing circle. New York: Knopf, 1971.
10. *Yanitsky O.* Environmental sociology in the former USSR: an overview: // On the other hand. 1993. Vol. 1. N. 4.
11. *Яницкий О. Н.* Социальные движения: сто интервью с лидерами. М.: Московский рабочий, 1991; Yanitsky O. Russian environmentalism: Leading figures, facts, opinions. Moscow: International Relations Publ. House, 1993.